

Российская благотворительность как фактор доверия между обществом и государством в XIX веке

Питулько Г. Н.^{1, 2}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; pitulko-gn@ranepa.ru

²Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье речь идет о феномене благотворительности в Российской империи в XIX в. Автор затрагивает вопросы взаимодействия государства и общества с точки зрения доверия. Данный подход иллюстрируется на примере Санкт-Петербурга, поскольку именно в столице наиболее успешно развивались как ведомственные заведения, так и частная инициатива в сфере филантропии.

Ключевые слова: благотворительность, благотворительные общества, благотворительная деятельность, фактор доверия

Для цитирования: Питулько Г. Н. Российская благотворительность как фактор доверия между обществом и государством в XIX веке // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 130–135.

Russian Charity as a Confidence Factor between Society and the State in XIX Century

Galina N. Pitulko

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; pitulko-gn@ranepa.ru

²Library of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

There is talking about phenomenon of the charity in the Russian empire in the XIX century in this article. Author is considering themes of the collaboration between state and society from the point of view of trust. This approach is illustrated on the example of Sankt-Petersburg because there are developing the most successfully in the capital both departmental institutions and a private initiative in the field of philanthropy.

Keywords: charity, charitable organizations, philanthropic activity, a confidence factor

For citing: Pitulko G. N. Russian Charity as a Confidence Factor between Society and the State in XIX Century // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 130–135.

Актуальность темы статьи подтверждается прежде всего значимостью такого явления в жизни российского общества и государства, как благотворительность, как в прошлом, так и в настоящем. Далеко не случайно и то, что интерес исследователей к данной проблематике с конца XX — начала XXI вв. заметно вырос. Особенностью современного состояния изучения темы благотворительности и меценатства стало то, что в фокусе интересов историков находятся как довольно узкие исторические периоды, так и огромные масштабные по времени эпохи, при этом новейшие исследования базируются на уникальных архивных материалах, хранящихся в крупнейших архивах России, в том числе и Санкт-

Петербурга. Следует отметить огромный вклад в изучение данной проблематики двух современных ученых, представляющих московскую и петербургскую исторические школы, а именно Г. Н. Ульянову и А. Р. Соколова. Среди московских историков, занимающихся изучением благотворительности, можно выделить Галину Николаевну Ульянову, автора многих работ, в том числе обобщающего труда о благотворительности в России XIX — начала XX в., вышедшего в Москве в издательстве «Наука» в 2005 г.: «Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX в.» [8]. Исследовательница проанализировала не только эволюцию законодательных мер в сфере принятия и реализации благотворительных пожертвований, но и рассмотрела основные этапы институционального развития российской филантропии [1, с. 183–185]. Причем в круг специальных интересов Г. Н. Ульяновой вошло подробное изучение законодательства, касающегося благотворительности в России конца XVIII — начала XX в. [9, с. 17–32].

Что касается петербургского историка Александра Ростиславовича Соколова, то он является одним из крупных ученых, занятых исследованием института генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи, а также деятельности Государственной Думы [3]. Ему же принадлежит авторство нескольких работ, связанных с проблематикой российской филантропии, в том числе монография «Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX в.)» [7]. Для нас принципиально важно, что в центре научных изысканий этого историка находятся вопросы становления и развития системы социального призрения в Российской империи в широкий имперский период XVIII–XIX вв. По мнению А. Р. Соколова, социальные условия возникновения благотворительности в западноевропейских государствах и в России вполне сопоставимы. Тем не менее в силу целого ряда серьезных причин довольно долго Российское государство брало на себя лишь функции контроля над филантропией. Причем в эпоху Петра Великого (1682–1725) в России были оформлены лишь первоначальные основы института благотворительности. Как полагает исследователь, это была особая форма заботы со стороны государства, которая распространялась на категорию увечных воинов и полицейских.

Если касаться хронологии эволюции института благотворительности, то большинством российских историков признается точка зрения, что наиболее успешное его развитие приходится на время правления Екатерины Великой (1762–1796). При личном содействии императрицы были созданы приказы общественного призрения и воспитательные дома в общегосударственном масштабе. По оценкам А. Р. Соколова, это была смешанная общественно-государственная структура.

Наиболее длительным по времени периодом и весомым по своему значению в развитии благотворительности в Российской империи стал XIX в. Как раз в правление внука Екатерины Великой Александра I (1801–1825) создается ставшее знаменитым филантропическим институтом Императорское Человеколюбивое общество. При этом город Санкт-Петербург выступал в роли общеимперского центра, где были образованы и действовали руководящие органы всероссийских филантропических объединений. Как отмечал еще в начале XX в. Е. Д. Максимов, «... история государственного призрения <...> это процесс двух начал: с одной стороны, бюрократического <...>, а с другой, общественного, <...> которому <...> рано или поздно была обеспечена победа» [5, с. 41].

Следует подчеркнуть, что, начиная с периода реформаторской деятельности Екатерины II, когда была создана система Воспитательных домов, стала решаться двуединая задача — контроль государства в форме приказов общественного призрения, но при этом новые структуры должны были существовать за счет «боголюбивых подаяний» частных лиц. Первые же попытки соединить частную инициативу и нужды экономики приходятся как раз на XIX век, когда российское прави-

тельство предпринимает попытку использовать средства приказов общественного призрения и приписывать к ним фабрики, никак не связанные с филантропией. Таким образом, в результате бурного развития новых буржуазных отношений возрастает значение филантропических проектов купечества, мещанства, т. е. важнейших сословий. При этом важнейшую роль стали играть различные государственные льготы и преференции для поддержки развития новых форм благотворительности. Иными словами, «...история государственного призрения <...> это процесс двух начал: с одной стороны, бюрократического <...>, а с другой, общественного, <...> которому <...> рано или поздно была обеспечена победа» [5, с. 41].

Согласно данным официальной статистики, к началу XX в. в Российской империи стало действовать более 19 тыс. благотворительных учреждений. Они, находясь на трех уровнях подчинения: муниципальном, земском и ведомственном, имели значительное финансирование за счет благотворительных пожертвований. Весьма примечательно, что более половины лечебных и учебных учреждений в крупнейших городах Российского государства, включая Санкт-Петербург, Москву, Нижний Новгород, Самару и некоторые другие крупные центры, были созданы на частные средства.

Как уже отмечалось выше, Санкт-Петербург как имперская столица по темпам развития благотворительности значительно превосходил все другие российские города. Особенность института меценатства в Петербурге заключалась в многообразии видов и типов заведений, а также в активном развитии ведомственных благотворительных заведений министерств, особенно в рамках МВД. В нем находились главные институты управления всероссийских благотворительных ведомств и обществ, которые имели отделения по всей стране. Так, согласно статистическим данным за 1884 г., их было 728, спустя 5 лет — 757, в 1892 г. — 764. Динамика роста благотворительных институтов вполне очевидна. Российский статистик конца XIX в. Ю. Э. Янсон отмечал: в столице в 1889 г. общее количество населения, пользующегося благотворительностью, составляло не менее 255 тыс. чел., или 27% всего населения столицы [11].

Примечательно, что все петербургские городские богадельни подчинялись Министерству внутренних дел. Так, в частности, МВД как ведомство контролировало Сиротский дом для мальчиков при евангелической лютеранской церкви святой Анны. А Волковская богадельня, Родовспомогательное заведение при Мариинской больнице и Клинический повивальный институт в Санкт-Петербурге ведомственно подчинялись Ведомству Учреждений Императрицы Марии (далее — ВУИМ). В систему ВУИМ в столице входили также автономные филантропические общества. В их числе можно упомянуть и Императорское женское патриотическое общество, которое содержало 7 школ-интернатов, 8 школ для проходящих и 1 рукодельную школу, общим капиталом в 644 300 руб. Важную роль играло Попечительство Императрицы Марии Александровны о слепых, которое патронировало 23 училища, 3 убежища для престарелых слепых, 7 глазных лечебниц, общие капиталы которых в 1898 г. составляли 2 790 000 руб. Помимо этого функционировало Попечительство Императрицы Марии Федоровны о глухонемых, имевшее дом для детей на 80 мест, а также Петербургский Совет Ведомства детских приютов (23 приюта для проходящих и 6 сиротских отделений, общие капиталы — 1 764 754 руб.).

Также в системе ВУИМа в имперской столице располагались пять заведений для призрения престарелых (Вдовый дом, четыре богадельни, включая Волковскую, в память цесаревича Николая Александровича, дом императрицы Александры Федоровны и Дом Анатолия Демидова) и 10 больниц (Мариинская, Александринская женская, Святой Ольги, Всех Скорбящих, Николаевская детская, детская больница принца Петра Ольденбургского, Елисаветинская клиническая для малолетних, глазная лечебница, Повивальный институт и пр.).

Самым главным направлением деятельности ВУИМа была помощь детям в форме детских приютов на основе Высочайше утвержденного «Положения о детских приютах Ведомства учреждений Императрицы Марии». Образцовым примером подобных учреждений являлся приют барона Штиглица в Санкт-Петербурге, открытый в 1837 г. К концу 1880-х гг. Ведомство контролировало 129 детских приютов, причем 23 из них располагались в Петербурге, а 13 — в Москве [8, с. 210].

С 1900-х годов в столице начинается подъем муниципальной благотворительности, это стало возможным благодаря деятельности созданной специальной комиссии по благотворительности при городской думе под председательством благотворителя и предпринимателя Н. Н. Брусницына.

Целый ряд заведений находился под юрисдикцией сословных обществ — купеческого, мещанского, ремесленного, а также Петербургского дворянского собрания. Так, купеческая корпорация содержала Николаевский Дом призрения престарелых и увечных граждан, Чесменскую богадельню и богадельни купцов I гильдии Садовникова и Герасимова.

В российской столице также успешно развивалась и благотворительность, которую осуществляли церковные институты. Так, по инициативе Русской православной церкви были сформированы и работали 107 благотворительных заведений для горожан. Помимо этого в Санкт-Петербурге действовал целый ряд иноверческих организаций, которых также можно отнести к благотворительным. Так, с 1898 г. функционировало Мусульманское благотворительное общество. Его учредителями являлись генерал-майор Султан Вали-Хан и статский советник, служащий Государственного банка Д. С. Смольский. Это общество содержало начальную школу для бедных детей, устраивало так называемые «восточные вечера», выдавало стипендии студентам-мусульманам и пр.

Также существовало огромное число заведений, основанных на частных пожертвованиях. В городе действовали богадельни Елисеевых, Тарасовых, Белосельских-Белозерских, Михайлова, графа Апраксина, княгини Салтыковой, Кушелева-Безбородко, Петровых, княжон Волконских, Брусницыных и т. д. Доля дворян-благотворителей в Санкт-Петербурге была намного выше по сравнению с другими российскими городами.

Вообще в сфере благотворительности в Российской империи проявлялся определенный дуализм: максимум государственного регулирования при минимуме государственного финансирования. В пореформенный период с введением новых органов муниципального и земского управления большинство благотворительных учреждений стало возникать под юрисдикцией местных органов. Этому способствовало и развитие законодательной базы государства — выведение регистрации благотворительных обществ из-под центральной юрисдикции в сферу компетенции местного самоуправления.

В имперский период в России получили развитие все основные формы и типы благотворительной помощи — от огромных пожертвований на строительство больниц, школ и богаделен до пособий бедным в виде мелких сумм (50 коп.) или же просто вязанки дров. Так, в конце XIX — начале XX в. число бедняков, получавших вспомоществование, составляло 3 млн чел. При этом Петербург выступал в роли общеимперского центра, где действовали руководящие органы всероссийских филантропических объединений. Как утверждает Г. Н. Ульянова, в политических условиях Российской империи при высокой степени централизации власти благотворительные институты выступали в качестве элементов формирующегося гражданского общества. С этой точки зрения именно филантропы демонстрировали опыт гражданской самостоятельности и активной общественной позиции.

Некоторые ученые, исследующие проблемы взаимоотношений государственной власти и благотворительных институтов, высказывают точку зрения, что само яв-

ление филантропии развивалось как в тесном союзе с государством, так и в прямой конфронтации с ним. Так, в пореформенный период в 1882–1889 гг. в Российской империи наметился непродолжительный спад благотворительной деятельности в сфере народного образования. Это было связано, как считает А. Р. Соколов, с удачными реформами, проведенными правительством в армии, а также с действенной поддержкой отставников и инвалидов, осуществлявшейся через Комитет о раненых и через другие структуры.

Таким образом, традиционное для российского общества христианское «нищелюбие» как форма общественной взаимопомощи было вполне характерным явлением и для XIX столетия. Обобщая некоторый опыт современных исследований по благотворительности, можно утверждать, что сама структура, механизмы и параметры филантропии со стороны государственных полномочий и институтов исследуемый исторический период являли собой единое целое с точки зрения доверительных отношений между обществом и государством.

Литература

1. Аксенов А. И., Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX в. // Российская история. 2007. № 3. С. 183–185.
2. Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989.
3. Государственная Дума в России 1906–1917: историко-документальное издание. СПб., 2006.
4. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001.
5. Максимов Е. Д. Общественная помощь нуждающимся в историческом развитии в России // Благотворительность в России. Т. I. СПб., 1907.
6. Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. 1. СПб., 1884.
7. Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX в.). СПб., 2006.
8. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX в. М., 2005.
9. Ульянова Г. Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII — начало XX в.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17–32.
10. Ульянова Г. Н., Линденмайер А. Бедность не порок. Благотворительность, государство и общество в имперской России // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 167–170.
11. Янсон Ю. Э. Сборник сведений о благотворительности в Санкт-Петербурге. Т. 1. СПб., 1889.

Об авторе:

Питулько Галина Николаевна, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), старший научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат исторических наук; pitulko-gn@ranepa.ru

References

1. Aksenov A. I., Ulyanova G. N. Charity in the Russian Empire. XIX — early XX century // Russian history [Rossiiskaya istoriya]. 2007. N 3. P. 183–185 (in Rus).
2. Bokhanov A. N. Collectors and patrons of art in Russia. M., 1989 (in Rus).
3. State Duma in Russia 1906–1917: historical and documentary publication. SPb., 2006 (in Rus).
4. Institute of Governor General and Governorship in the Russian Empire. SPb., 2001 (in Rus).
5. Maximov E. D. Public assistance to those in need of historical development in Russia // Charity in Russia. Vol. I. SPb., 1907 (in Rus).
6. Collection of information on the capital of the Department of Institutions of Empress Mary. Vol. 1. SPb., 1884 (in Rus).
7. Sokolov A. R. Charity in Russia as a mechanism of interaction between society and the state (beginning of the XVIII — end of the XIX century). SPb., 2006 (in Rus).

8. Ulyanova G.N. Charity in the Russian Empire. XIX — early XX century M., 2005 (in Rus).
9. Ulyanova G.N. Legislation on charity in Russia (late XVIII — early XX centuries) // Domestic history [Otechestvennaya istoriya]. 2005. N 6. P. 17–32 (in Rus).
10. Ulyanova G.N., Lindenmayer A. Poverty is not a vice. Charity, state and society in imperial Russia // Questions of history [Voprosy istorii]. 1998. N 2. P. 167–170 (in Rus).
11. Janson J.E. Collection of information about charity in St. Petersburg. Vol. 1. SPb., 1889 (in Rus).

About the author:

Galina N. Pitulko, Associate Professor of Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Senior Researcher of Library of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in History; pitulko-gn@ranepa.ru